

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С50

Micaela Smeltzer
THE RESURRECTION OF WILDFLOWERS
Серия «Мед и соль»

The moral rights of the author have been asserted.

Перевод с английского *Юлии Капустюк*
Оформление обложки *Александра Воробьева*

Смелтцер, Микалея.

С50   Возрождение полевых цветов: [роман] / Микалея Смелтцер; – [перевод с английского Юлии Капустюк]. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 384 с. – (Мед и соль)

ISBN 978-5-17-152222-3

Его сердце было разбито. Моя жизнь изменилась окончательно и бесповоротно.

Прошло шесть лет с тех пор, как я в последний раз видела Тайера Холмса. Случившееся навсегда развело наши пути. Мне пришлось собирать себя по кусочкам: новый мужчина, новый город, новая жизнь.

Если бы все было так просто...

Я вернулась домой, где мне предстоит попрощаться с матерью и разобраться с последствиями моего развода. И не думать о Майере. Ни в коем случае не думать о НЕМ.

Вот только...

Может ли старая любовь возродиться из пепла?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152222-3

© 2022 by Micaela Smeltzer
© Капустюк Ю., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Перед вами художественное произведение. Все упомянутые в романе имена, персонажи, организации, места и события являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

Его сердце было разбито. Моя жизнь изменилась окончательно и бесповоротно.

Поэтому я от него ушла.

Начала все заново.

Вышла замуж за другого.

Но я его не забыла.

Прошло шесть лет с тех пор, как я в последний раз видела Тайера Холмса. Я вернулась в родной город, где мне придется столкнуться с нашим прошлым и справиться с последствиями моего развода. Сейчас я в том же положении, что и он в момент нашего знакомства.

Я начинаю все с чистого листа.

Больше нет секретов, которые мы могли бы хранить.

Не всякая любовь получает второй шанс, но, возможно, мы станем исключением.

А может и нет.

Посвящается всем, кто пережил невообразимую боль и благодаря ей стал сильнее.

«Цветы растут из темноты».

Корита Кент

ПРОЛОГ

Салем

Мне потребовалось время, чтобы понять, что иногда, как бы сильно мы кого-то или что-то ни любили, приходится отпускать. Тонущий корабль не спасти.

Иногда рядом с нами есть кто-то, ради кого мы должны быть сильными, тот, кто в нас очень нуждается.

Мы делаем выбор.

Разрушительный.

И надеемся, что, возможно, однажды они к нам вернуться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Салем

Весну в Хоторн-Миллс я люблю больше всего. Я не бывала здесь с тех пор, как покинула городок шесть лет назад. Тем летом я приезжала сюда несколько раз в надежде, что мой любимый мужчина увидит меня и вернется ко мне, но этого не случилось.

Потеряв Тайера Холмса, я поджала хвост и пошла дальше.

Устроилась официанткой в закусочную неподалеку от квартиры Лорен. Экономила на всем, откладывала каждую копейку. Мы с Калесом стали больше общаться, а потом и встречаться. Почти через год, в день свадьбы Джорджии, он сделал мне предложение, и я его приняла. Через два месяца мы поженились. Он окончил колледж, и мы переехали в Калифорнию. Там мне нравилось не меньше, чем здесь, но год назад ему предложили работу в Бостоне, и мы вернулись.

И все равно я ни разу не переступила порог дома моего детства.

Он знал, почему, и это причиняло ему боль.

Я всегда только и делала, что причиняла ему боль. Поэтому я его отпустила.

Наш развод прошел легко, как и все, за что мы брались. Я знаю, что Калев всегда будет присутствовать в моей жизни, но теперь он свободен и может искать такую любовь, какую когда-то познала я. Если довелось так любить, с этим уже ничто не сравнится, как ни старайся и сколько труда ни вкладывай.

Это все равно что втискивать кусочек головоломки туда, где ему не место.

Я открываю дверцу машины и ступаю на парковку возле дома.

Как бы я ни клялась, что никогда не приеду сюда, в это место, к *нему*, кое-что заставило меня вернуться. Я вхожу в дом и обнаруживаю маму в гостиной на импровизированной больничной койке.

— Привет, мам. — Все мои силы уходят на то, чтобы сдержать слезы. Я не хочу, чтобы она их видела.

— А вот и моя девочка, — улыбается она и подзывает меня к себе взмахом бледной тонкой руки.

Моя мама умирает.

У нее рецидив рака, и на этот раз все средства бессильны. Сколько бы она ни боролась, болезнь упорно берет верх. Ей остается жить месяца два, а может, и меньше.

Я прохожу в гостиную и наклоняюсь ее обнять, мои шаги звучат непривычно громко.

— Ты разминулась с Джорджией, — говорит она. Ее объятия слабы, на теле почти не осталось мышц и жира. Она увядает прямо на глазах.

— Я встречу с ней позже.

Микаеля Смелтцер

— Дети о вас спрашивали.

Я улыбаюсь и провожу пальцем по бледной коже на ее щеке.

— Они нас скоро увидят.

У Джорджии и Майкла двое детей и еще один на подходе. Надо ли говорить о том, что у них дел не впроворот, но они счастливы.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, у меня все есть. Может, посмотрим фильм или что-нибудь еще после того, как ты занесешь свои вещи?

— Отлично, мам.

После развода мы с Калемом продолжаем жить вместе. Это разумно, ведь я пока еще не определилась, что делать дальше, но мамино состояние ухудшается, и я понимаю, что настало время вернуться домой. Нужно позаботиться о ней в ее последние дни и дать передышку Джорджии, а когда неизбежное случится, привести дом в порядок и выработать дальнейший план действий.

Это трудно, зная, что мое будущее под большим вопросом. В этом году мне исполнится двадцать шесть, но как и в восемнадцать, я по-прежнему ни черта не смыслю в этой жизни. Возможно, в этом и заключается правда взросления, о которой никто не хочет говорить — мы все идем наугад.

Я упорно стараюсь не смотреть на соседний дом. Я знаю, что он и сейчас там живет, мама время от времени о нем упоминает. Иногда я думаю, что ей любопытно наблюдать мою реакцию. Я никогда не рассказывала ей о нашей истории с Тайером. Да и какой смысл? Мое сердце было разбито, и между нами все кончено.

Я заносу в дом свои вещи, даже не взглянув на соседний участок.

Это ложь. Я туда заглянула, одним глазком. И увидела домик на дереве на заднем дворе и крышу теплицы.

— Ты все принесла? — доносится из гостиной тихий скрипучий голос мамы.

— Да. Сейчас отнесу часть наверх.

— Хорошо. А я пока... дам... глазам... отдохнуть.

На кухне она меня не видит, и я даю волю слезам.

Она ускользает. То, что могло бы стать долгой жизнью, теперь измеряется неделями, часами, минутами, *секундами*, и каждая из них драгоценна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Салем

Моя комната почти не изменилась, хотя я почему-то ожидала, что мама ее как-нибудь преобразует. Там чисто: мы с Джорджией платим уборщице, которая приходит сюда раз в неделю. Нигде ни пылинки. Постель свежая, уголки покрывала хрустят.

Поскольку мама спит и в ближайшее время смотреть кино не собирается, я раскладываю одежду и туалетные принадлежности и звоню Калебу.

— Привет, — говорит он. — Нормально добралась?

— Да. Спасибо, что спросил.

— Как мама?

Я вздыхаю, потирая лоб.

— Спит. Она слабее, чем я ожидала.

— Мне жаль, — искренне произносит он. Мы хоть и расстались, но Калев все равно один из самых добрых людей, которых я знаю.

— Уж как есть, — тихо отвечаю я и сажусь на край кровати напротив окна, у которого часто сидела вместе с Калемом.

— Кое-кто пытается вырвать у меня телефон, — шутит он.

Я тоже смеюсь.

— Передай ей трубочку.

— Мамочка! — Голос дочери — как бальзам на рану. Благодаря ей я сразу чувствую себя лучше, она меня заземляет.

— Привет, детка. Как прошел день?

— Хорошо. Папа забрал меня из школы, и мы сходили в магазин. Я купила леденец.

На заднем плане раздается смех Калеба.

— Это же наш секрет.

— Ой, — хихикает она.

Сэда стала неожиданным сюрпризом, который оставил мне Тайер. Она стала подарком, которого я хотела и в котором нуждалась, сама не отдавая себе в этом отчета. А теперь я ее мама и чувствую себя супергероем.

— Я уже по тебе соскучилась, — улыбаюсь я.

— Я тоже по тебе скучаю, мамочка. Поцелуй бабушку, ты всегда говоришь, что от поцелуев становится лучше.

О, черт. Я сейчас заплачу. Как бы я хотела, чтобы слезы помогли моей маме, но сомневаюсь, что волшебные поцелуи помогут побороть рак.

— Я ее поцелую, — обещаю я дочери. — Люблю тебя.

— Люблю тебя, мамочка! — Она кладет трубку, и телефон замолкает.

Когда я возвращаюсь вниз, мама еще спит, поэтому я решаю приготовить ужин. Джорджия говорит, что в последнее время мама ест мало, но я должна хотя бы попробовать.

Микаеля Смелтцер

Обыскивая шкафчики, я натыкаюсь на бутылку вина. Вероятно, Джорджия припрятала ее до того, как в очередной раз забеременела. Я наполняю бокал, готовлю ужин и пью вино. Я не большой любитель выпить, но сегодня мне необходимо успокоить нервы.

— Салем? — зовет мама, и я отворачиваюсь от кипящей кастрюли.

— Да? — Я удивлена, что она проснулась. Я ожидала, что придется ее разбудить.

— Ты не принесешь мне воды?

Я беру стакан, соломинку и подношу к ее губам. Она жадно пьет, в ее глазах благодарность. Я ставлю стакан на место и спрашиваю:

— Тебе что-нибудь еще нужно? Я готовлю ужин.

— Нет, воды было достаточно. — Она ласково поглаживает мою руку. — Мне жаль, что я уснула и мы не посмотрели фильм.

— Все в порядке. Посмотрим за ужином.

У нее грустный взгляд, и мне интересно, о чем она думает.

— Ты счастлива, Салем? Что-то не похоже.

— Я счастлива настолько, насколько это возможно сейчас.

— Да. Наверное, ты права.

Я печально улыбаюсь и выхожу из комнаты, чтобы закончить приготовление ужина.

Когда все готово, я несу две тарелки со спагетти и чесночным хлебом в гостиную. Подперев маму подушками, я ставлю поднос на ее колени и устраиваю ее поудобнее, после чего сажусь сама.

Идет фильм, но я не обращаю на него внимания.

Потом я убираю грязную посуду. Мама едва при-
тонулась к своей тарелке, но я знаю, что она стара-
лась съесть как можно больше.

Через несколько минут я возвращаюсь из кухни
в гостиную и вижу, что мама спит.

Уже поздно, поэтому я выключаю телевизор,
укрываю ее одеялом, убеждаюсь, что у нее есть вода
и что телефон на всякий случай лежит рядом.

— Я люблю тебя, мама. — Я целую ее лоб и сма-
хиваю слезу. Потом тихо поднимаюсь по лестнице,
принимаю душ и ложусь в постель. День был долгим,
и мне нужно отдохнуть.

***

Возвращаясь с утренней пробежки, я вхожу
в кухню через боковую дверь и улыбаюсь, когда вижу
маму за столом. Ее лицо не такое серое, как накануне,
на щеках румянец, и я надеюсь, что она хорошо
выспалась.

— Привет, — улыбаюсь я, поправляя хвостик. —
Ты проголодалась?

— Я поела хлопьев, — отвечает она, листая
журнал.

— Знаешь, — мягко говорю я, — тебе не следует
передвигаться без посторонней помощи.

Есть риск упасть, и ей об этом известно. Но,
думаю, в ее ситуации я тоже проявляла бы упрям-
ство. Трудно выдерживать необходимость того,
чтобы другой человек помогал тебе делать элемен-
тарные вещи, например, ходить в туалет или мыться.

— На мне нескользящие носки.

Микаеля Смелтцер

— Мама, — произношу я строгим тоном и начинаю варить кофе, — ты же знаешь, что так не делается.

Она вздыхает.

— Сегодня утром я чувствовала себя хорошо. Я хотела двигаться самостоятельно.

— Будь осторожна, — прошу я.

— Салем, — тихо произносит она мое имя. Я стою к ней спиной, беру кружку для кофе и поворачиваюсь. — Ты ведь знаешь, что я умру, да?

Я опускаю голову. Я знаю. Джорджия знает. Мы все знаем.

— Да.

— У меня так мало времени, и эти последние дни я хочу чувствовать себя собой. Хорошо? — Я киваю и изо всех сил сдерживаю слезы, которые так и рвутся наружу. Это самое худшее — оплакивать кого-то, кто еще жив. — Я тут подумала, — продолжает она. — Мы могли бы испечь сегодня кексы. Раз уж я хорошо себя чувствую.

Мои плечи напрягаются. Я не пекла кексы с тех пор, как в последний раз готовила их для Тайера. После этого я к ним не притрагивалась, поскольку они напоминали мне о нем.

— Мы... мы могли бы испечь, да.

Я не собираюсь отказывать в просьбе своей умирающей маме.

— Давай испечем кексы из песочного теста. Они всегда были твоими любимыми. Наш сосед Тайер тоже их любит. Я всегда выпекала их понемногу, пока не заболела.

— Д-да, — заикаюсь я. — Я помню, он их любил.

